въ великихъ соціальныхъ задачахъ, всплывающихъ, наконецъ, на поверхность народнаго сознанія.

Чѣмъ больше вдумываешься въ ученіе Маркса, тѣмъ болѣе приходится, дѣйствительно, признать въ немъ одинъ изъ самыхъ яркихъ и первоначальныхъ типовъ историческаго народничества. Въ то время, какъ у великихъ утопистовъ спасеніе исходило отъ своего рода боговъ, горячо любящихъ человѣчество, но стоящихъ выше его немощей и предразсудковъ, исходило отъ учителей, указывающихъ людямъ пути упомянутаго коллективнаго спасенія, у Маркса формула этого спасенія была перенесена извнѣ внутрь человѣчества. И новое евангеліе труда громко провозглашало предъ лицомъ всего міра: «освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самого этого класса». Съ этой точки зрѣнія и наше, напр., народничество, которое приглашало интеллигенцію трудиться лишь надъ развитіемъ болѣе или менѣе смутныхъ, но живучихъ идеаловъ въ народѣ, есть переломившееся въ иной средѣ и при другихъ условіяхъ ученіе Маркса о томъ, что человѣчество принимается за задачи, только исторически возможныя и назрѣвающія въ самыхъ нѣдрахъ его.

Но замѣчательный переломъ въ реформаторской мысли, произведенный Марксомъ, былъ продѣланъ имъ, какъ всегда бываетъ въ исторіи человѣчества, съ преувеличеніями и неизбѣжными односторонностями, которыя объяснились тѣмъ, что новому ученію надо было противопоставить себя, по закону идейной реакціи, предшествовавшимъ преувеличеніямъ и односторонностямъ. Начать съ того, что самый ригоризмъ, сама жесткая, считающаяся, повидимому, не съ моралью, а лишь съ необходимостью формула «научнаго соціализма» выражала собой историческій протестъ противъ той расплывающейся, сентиментальной, маниловской фразеологіи, которая проникала весь тогдашній соціализмъ и возмущала уже, напр., грубаго, временами нелѣпаго, но временами же почти геніальнаго самоучку Прудона. Когда читаешь документы этой эпохи, пестрѣющіе на каждомъ шагу «любовью къ ближнимъ», «сладостью самопожертвованія», «новымъ высшимъ братствомъ»; когда даже въ прокламаціи (отъ 26-го іюня) Кавеньяка, только-что залившаго парижское возстаніе потоками рабочей крови, наталкиваешься на оправданіе, на прославленіе бойни—интересами «человѣчества» (sic!), тогда начинаешь понимать страстное желаніе творческаго ума расквитаться не только съ философіей, но и съ фразой предшествующаго періода. Разъ филантропическая риторика завершилась такимъ ужаснымъ крахомъ, то надо же было показать народу, трудящимся классамъ, что его соціальное освобожденіе не зависитъ отъ чувствительной души и краснорѣчивыхъ декламацій привилегированныхъ классовъ; но что въ немъ самомъ, рабочемъ людѣ, лежало это спасеніе, и именно благодаря грубо реальнымъ, осязательнымъ, неумолимымъ условіямъ, которыя создало буржуазное общество и которыя своимъ всемогущимъ желѣзнымъ давленіемъ, столь противорѣчащимъ призрачной, колеблющейся фантасмагоріи тогдашней фразы, изъ рабочихъ же сдѣлаетъ «могильщиковъ» капиталистическаго строя. Эта историческая потребность была пророчески провидѣна Марксомъ въ его «Манифестѣ», написанномъ за три мѣсяца до февральской революціи (въ зародышѣ эта мысль находилась уже въ «Die Heilige Familie» въ 1845 году) и съ теченіемъ времени развилась въ тотъ объективизмъ, въ то строгое, жесткое, почти умышленно свирѣпое апеллированіе къ необходимости, къ фатальной эволюціи, которое теперь порою называютъ «аморальностью» Маркса. Было бы излишне доказывать, что нравственное безразличіе было совершенно не въ революціонной и мятущейся природѣ Маркса; и тамъ, гдѣ онъ считалъ долгомъ высказывать свое негодованіе, онъ дѣлалъ это въ формѣ, далеко оставлявшей за собою по силѣ самую громкую риторику. Вопль негодованія прорывается, словно ревъ раздраженнаго льва, даже на нѣкоторыхъ самыхъ повидимому объективныхъ страницахъ «Капитала». Но свою задачу Марксъ понялъ именно какъ обоснованіе неизбѣжности соціализма на естественномъ ходѣ вещей, помимо того, какъ отнесется къ этому набившая въ то время оскомину «мораль» буржуазнаго общества и даже привилегирован-